

Своя интонация

Штрихи к портрету артиста

Всегда четкий, почти графический и одновременно объемный рисунок его ролей, яркий темперамент, пластичность, мужественность — исполнительской манеры — главные черты творческой индивидуальности Владимира Маляра.

Вот уже двадцать лет он актер театра им. Шевченко. Здесь получил звание заслуженного, потом — народного артиста СССР. По общему признанию, его амплитуда — социальный герой. Да и внешность Маляра для этого удивительно подходит: атлетическая фигура, волевое лицо. Он, как правило, лидер на сцене. Даже тогда, когда это и не совсем предусмотрено пьесой.

В спектакле «Млин пастя» В. Меренко В. Маляр играет председателя комбеда. Работа эта стала для артиста счастливой. Он награжден за нее первой всесоюзной премией. Не могу сказать, что все в постановке на одном уровне, но образ председателя получился действительно выпуклым, ярким, особенно запоминающимся. Хотя по пьесе не ему отведен первый план, а талантливому самородку Степану Бобылю.

Как же вышло, что, вроде и не отступая от драматургического материала, герои поменялись местами? Конечно, дело в мастерстве, профессионализме Маляра. Он точными мазками рисует образ: и мужиковатые жесты, и напускной начальственный тон, и крепкое слово — нет-нет да срывающееся, и вдруг мальчишеская лихость, когда готов «с пашкой наголо» против врагов революции. И при этом какой-то наивный романтизм.

Надо сказать, мы уже не раз встречались с подобными, близкими Макару Нагульному, героями на сцене и на экране. Но есть в игре Маляра — своя интонация. Благодаря ей образ и выходит за рамки перебева, вторичности. С доброй улыбкой смотрит актер на героя. Не боится показать, как путается Петро в решении самых глупых, на наш взгляд, вопросов, как выглядит порой смешным и, может быть, даже недельным. Но Маляр, словно говорит нам, сегодняшним зрителям: «Да, мы были малограмотными, грубоватыми, в чем-то неумелыми, но как же чисты были наши помыслы, как верили мы в идею, как готовы были ради нее пойти на самые страшные муки».

Председатель Маляра до конца не предсказуем. Продолжайся спектакль, и будет интересно: а что он скажет, а как поступит... Неоднозначность характера и

сделала образ ведущим.

В актерской профессии, как и в любой другой, есть своя азбука, определяющая профессионализм. Это воображение, хорошая дикция, естественность, эмоциональная отзывчивость, умение мобилизоваться. И все-таки актеру этого мало. Нужно, чтобы было свое собственное видение роли.

— Когда мы с режиссером Литко приступали к «Ричарду III», — рассказывает В. Маляр, — у нас в начале была одна исходная позиция: Ричард страстно рвется к власти, идет к ней, как говорится, по трупам, исполняя всевозможные ухищрения. У Шекспира Ричард — великий злодей, которого карает судьба. Но мы решили показать, что он еще и великий игрок. И так увлекается своей кровавой игрой, что становится ее жертвой. Уже не он ведет игру, а она ведет его за собой. Он достиг всего, о чем так страстно мечтал и вдруг понимает, что это не принесло ему никакого счастья. Потрачены силы, совершено много преступлений, а для чего? Все оказалось бессмысленным. Традиционно Ричарда убивает Ричмонд. Мы нашли другое решение. логичное нашей трактовке. Ричард сам идет на меч своего соперника.

Итак, была идея. Но ей требовалось найти гармоничное пластическое и эмоциональное решение. Если показать Ричарда только как мечтающего по сцене зверя — хитрого, ловкого, ненасытного, то как зритель поверит потом в его прозрение? И где-то с середины спектакля актер вводил в игру легкую, сначала едва различимую иронию. Ричард как бы начинал смотреть на себя со стороны. И этой иронией он постепенно разоблачал не только свое окружение, но и самого себя. И когда, умирая, он указывает Ричмонду на трон, то в этом — уже открытая издевка, понимание тщеты собственных усилий: иди теперь ты покрутись, поборись там, и неизвестно, принесет ли тебе это счастье...

К моменту постановки спектакля «Моя профессия — синьор из высшего общества» на счету Маляра было немало ролей самого разного плана. Неудовимый в своей изворотливости и коварстве Герострат из «Забить Герострата!», немногословный командир автобата Сафронов в «Русских людях», гротескно сыгранный Александров в «Живом труп», добрый и мягкий Запорожский в «Долгом, долгом лете», человек-буква Яков Прокопович из «Не стреляйте в белых лебе-

дей», циничный, жестокий Мекки-Нож в «Трехгрошовой опере». Роль авантюриста Леонидо стоит несколько особняком в этом перечне. И вот почему. Увлекаясь комедийной стихией, словно купаясь в ней, виртуозно демонстрируя всевозможные эксцентрические трюки, актер к концу спектакля, вдруг резко меняет стилистику игры. Будто это не он полчаса назад бегал по сцене в уморительных трусах ниже колен, вызывая хохот в зале. Мы видим, как одинок герой Маляра, как смертельно устал от борьбы за то, чтобы выжить, удержаться. Столкновение буффонады и драматизма рождает непредвиденную в начале веселого спектакля щемящую грусть за растратенную напрасно жизнь этого в общем-то неординарного человека.

Работа актера над образом — процесс долгий, подчас мучительный. Последняя роль — Рамзин в «Выборе» Ю. Бондарева давалась Маляру с большим трудом. Прежде всего потому, что Маляр — актер ярко выраженной эмоциональности. А тут мало движений, мало слов. Никаких бытовых подробностей. И при этом — страдание и опустошенность. Особенно нелегко было найти верный тон в сцене встречи с матерью. Мне эта сцена кажется кульминационной в романе и спектакле. До сих пор в Рамзине теплилась еще надежда, был смысл существования — увидеть мать. При других он крестился, пытался показать, что не все в его жизни так уж плохо. И вот высшее прозрение и невыносимая боль: чужой, всем чужой, даже матери. Из всех актерских средств у Маляра в распоряжении здесь только голос и выражение глаз. Говорит он с усилием, будто на совершенно незнакомом языке, и слова застревают в гортани. А во взгляде — сначала растерянность, отчаяние, а потом — пустота. Он принял решение. После этой сцены Рамзин по сути уже мертв. Маляр не прощает своему герою предательства. Но как истинный художник он ощущает чужую боль как свою.

— Времени для полнокровного творчества осталось не так уже много. Я прекрасно это осознаю, — говорит Владимир Маляр, — тем более что, как ни странно, работать с каждым годом мне все труднее: боюсь повториться.

Думается, это залог того, что нас, зрителей, ждут неожиданности: открытие новых граней в творчестве Маляра. А не это ли одно из главных достоинств актерского мастерства.

И. РУМЯНЦЕВА.
Фото В. БОРИСОВА.